

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

В Одессе на улице Польской (бывшая Гарибальди) есть музей личных коллекций имени Блещунова. Названия в странах бывшего СССР как правило содержат долю лжи. В данном случае ложь имеет отношение к грамматической категории «множественное число». В музее нет личных коллекций. Там только одна коллекция — самого Александра Владимировича Блещунова. И экспозиция развернута в доме, где он провел многие годы — до последнего дня своей долгой жизни.

Жил одновременно — в постоянном общении с людьми и, по-моему, в полном одиночестве. Жил среди разнородных предметов — от русских икон XVII–XIX веков до буддийских колокольчиков и японского фарфора. Его гость мог выбирать между австрийским креслом начала прошлого столетия и резным китайским сидалищем, которое и креслом-то не назовешь, хотя китайский резчик по дереву создавал именно кресло. Выбирали, как правило, австрийскую мебель. Перед китайской — робели. Если же кто рисковал воспользоваться «троном Богдыхана» и сидел час-другой, прислонясь к спинке, то отпечатки прихотливого орнамента сохранялись на его спине до следующего утра...

Чай разливался из антикварного, опять же китайского, чайника. Чашки были — из различных сервизов — от середины прошлого века до бросового советского товара начала шестидесятых.

За столом говорили о разном. Две темы все же были «под запретом»: состояние здоровья хозяина и в больших компаниях — политическая оценка деятельности коммунистической партии, советского правительства и лично генерального секретаря. Первые две темы были болезненными для хозяина дома. Третья — небезопасна для гостей: к Блещунову, как он подозревал, некоторые люди приходили «по заданию». Выгонять таких было нельзя, а давать им «материал» уж очень не хотелось...

Легче всего Блещунову было с его коллегами-альпинистами. Труднее всего — со своими братьями-коллекционерами. Первые любили его беззаветно, а воспоминания о совместных походах гарантировали хорошее настроение в течение вечера. Вторые критиковали Блещунова за отсутствие вкуса, разностильность и всеядность. Сходились на том, что у него не коллекция, а антикварная лавка средней руки. Разумеется, в каждой лавке есть два-три ценных предмета... Коллекционеры были и правы, и неправы. Прежде всего, неправы в том, что называли квартиру Блещунова лавкой. В отличие от домов большинства одесских собирателей, здесь никогда ничего не продавалось. Обмены были крайне редки. Именно потому, что Блещунов ни от чего не «избавлялся», а также из-за ужасной тесноты, его квартира действительно создавала впечатление «антик-шопа». Впечатление, повторяю, ложное.

Именно осознание невозможности купить, выменять, выпросить у хозяина дома какой-либо интересный предмет подчас заставляло коллекционеров обходить улицу Польскую стороной. Ибо коллекционеры — люди деловые, они должны видеть ПЕРСПЕКТИВУ. А здесь перспектива была ясна: хозяин умрет, наследников у него нет, друзья относительно честны и ничего не растащат. Следовательно, «наследство получит король», государство.

Блещунов устроил выставку в Музее западного и восточного искусства. В его квартиру после этой выставки вернулась лишь часть коллекции, остальное было подарено музею. В том числе и два резных китайских кресла. В квартире стало просторнее, уютнее. В гостях у Александра Блещунова все чаще появлялись сотрудники музея. Среди коллекционеров ходили слухи: проводится инвентаризация коллекции. Так оно и было... В последние годы жизни Блещунова исполком дал возможность, за счет освободившейся «в коммуна» комнаты, расширить квартиру, создать хоть какую-то возможность для экспозиции «древностей». Сегодня коллекция занимает первый этаж и подвал небольшого одесского дома. Второй этаж горисполком так и не отселил, хоть когда-то обещал. Музей не из самых посещаемых, но он все же не пустует. Около двери — мемориальная доска, под которой небольшая полочка для цветов. Туда и впрямь кладут цветы. Все реже и реже.

— Ты слышал: Блещунов написал письма коллекционерам с пионерским призывом — сдавать вещи в его контору? Сумасшедший! Ему, видите ли, хочется

увековечить свое имя за мой счет. Понятно, старик доживает свое, родственников нет, ему не для кого стараться. А у меня дочь. И вообще — я два года пытался выцыганить у него пару нецке, это же совсем не его тема! Отказал. А тогда как раз был хороший покупатель на такие вещи!

2.

Коллекция Блещунова, завещанная городу, оказалась одной из немногих, переживших собирателя. Возможно, именно потому что у него не было семьи. Так получается, что «враги коллекционеру — домашние его». Родню можно понять — долгие годы глава семьи отказывает себе (и семье) в самом необходимом (по мнению семьи). Отказывает во имя каких-то малопонятных, однородных, многочисленных и более чем многочисленных предметов.

Практически никто не замечает прибавления еще одной картины в комнате, где уже теснятся на стенах девяносто восемь живописных работ. А убавление из семейного бюджета той суммы, которая ушла на приобретение очередной работы, заметно сразу.

Типичный вариант отношения семьи коллекционера к коллекции таков: в самом лучшем случае начинается с некоторого любопытства, затем, когда становится ясно, что нет ни сил ни желания самому разобраться в антиквариате (или нумизматике, все равно), любопытство сменяется равнодушием, а равнодушие — плохо скрываемой враждебностью. Может быть, в основе этой враждебности — ревность